

Авторъ древней повѣсти о Феодоровской иконѣ Божіей Матери ¹⁾.

Нѣтъ нужды распространяться о побужденіяхъ, которыми руководились мы, избравши предметомъ своего доклада древнѣйшую повѣсть о Феодоровской иконѣ Божіей Матери. Почти всѣмъ, что доселѣ извѣстно намъ о чудесномъ явленіи важнѣйшей святыни родного города и по начальной исторіи его главнаго соборнаго храма, мы обязаны этой самой повѣсти. Она же дала отчасти содержаніе и церковной службѣ на праздникъ пришествія чудотворнаго образа, двукратно въ году гражданами совершаемый. И вотъ причина, по которой рѣдкій изъ изслѣдователей мѣстной исторіи и археологівъ не пользовался нашей повѣстью: но изъ многихъ записавшихся лишь одинъ о. П. Ф. Островскій, сколько знаемъ, останавливался нарочито своимъ вниманіемъ на ней. Наше чатавъ изъ Митюгинскихъ четыхъ-миней въ своемъ „Историческомъ описаніи Костромскаго Успенскаго кафедральнаго собора“ первую половину интересующей насъ повѣсти, онъ помѣстилъ въ параллель съ нею изъ Спасозапруденскаго епископа и начало хорошо извѣстнаго, полагаю, нашимъ слушателямъ „Сказанія о чудотворной иконѣ пречистыя Богородицы Феодоровскія, како отъ Гороца граа принесена бысть на Кострому“. Принявъ повѣсть и сказаніе за одно и то же сочиненіе, лишь отъ времени почувшившее незначительную разность въ изложеніи, покойный гужевскій замѣтилъ о бывшихъ подъ его руками епископахъ повѣсти и

¹⁾ Рефератъ, читанный на историко-археологич. съѣздѣ въ Костромѣ въ 1909 году

сказанія, что они, вѣдъ всякаго сомнѣнія, не ранѣе первой трети XVII вѣка и „писаны не съ рукописей, какія были у людей книжныхъ до смутнаго времени въ нашемъ отечествѣ“...

Милютинскія четы-мишеи писаны въ 1646—1654 годахъ по книгамъ Троице-Сергіевой лавры священникомъ боль-обокъ и по сіе время находящейся съ нею Рождественской церкви Іоанномъ Милютинымъ и его тремя сыновьями. Составитель помѣщенной о. Іоанномъ въ августовской мишеѣ повѣсти о Феодоровской иконѣ Богоматери не оставляетъ своего читателя въ совершенномъ недоумѣніи на счетъ неточнѣнковъ и времени написанія своего произведенія. „..Что реку или что неповѣмъ о сей пречудней иконѣ“,—спрашиваетъ онъ себя и самъ же отвѣчаетъ: „Но еже слышахъ отъ много добре вѣдущихъ и иже у себе имуще писаніе до разоренія литовскихъ и польскихъ людей, и азъ съ ними многаяжды бесѣдовахъ, и вопрошахъ ихъ, и сладце слышахъ отъ нихъ“.—Кто этотъ составитель, столь тщательно допытывавшійся узнать истину о Феодоровской иконѣ Богоматери, и кто были его многосвѣдущіе собесѣдники? Мы не располагаемъ прямыми данными для положительнаго отвѣта на поставленные вопросы, но думаемъ, что послѣдними едва ли не были книжные старцы Сергіевой обители пачала 30-хъ годовъ XVII столѣтія, а составителемъ повѣсти—возможное дѣло—самъ священникъ Іоаннъ Милютинъ, въ мишеяхъ котораго мы впервые встрѣчаемся съ нею. Въ обоснованіе своего мнѣнія мы прежде всего должны сказать вѣдѣ за другими, что о. Милютинъ не былъ только копистомъ, простымъ переписчикомъ, подобно дѣтямъ его, которымъ „послѣшенія рашъ“ безспорно отчасти помогали своимъ „скорымъ писаніемъ“. Его огромный трудъ соединенъ былъ съ усердными поисками и довольно разумной выборкой изъ лаврскихъ рукописей наиболѣе исправныхъ житій и достовѣрныхъ повѣстей. Въ Милютинскихъ мишеяхъ „почти всегда можно найти статьи, весьма рѣдкія въ другихъ спискахъ: встрѣчаются даже указанія единственныя въ своемъ родѣ, не попадающіяся больше нигдѣ“. По всему видно, что собиратель ихъ былъ человекъ широко начитанный и любознательный. Любовь къ книгѣ, вѣроятно, и привела молодого Ивана Милютина въ декабрь 1631 года въ Троицкую лавру съ ея „много-

богатной божественныхъ писаній книгохранительницей“. Родомъ нижегородецъ изъ Балахны, Милютинъ встрѣтился здѣсь съ своимъ землякомъ—бывшимъ соборнымъ протопопомъ тоже города Балахны старцемъ—книгохранителемъ Іоасафомъ Кирьяковымъ, который, зная Ивана, какъ юношу изъ зажиточной и, повидимому, духовной семьи, а можетъ быть, приходясь ему отчасти и сродни, не преминулъ свести его съ выдающимся книгошцедемъ того времени въ общинѣ Сергіевой—іером. Германомъ Тулуповымъ, трудившимся тогда надъ изготовленіемъ тѣхъ самыхъ четыхъ-мишей, съ которыхъ, полтора десятка лѣтъ спустя, такъ много пришлось списывать Милютину. Одинъ старецъ по знакомству открылъ доступъ къ книгамъ пытливому послушнику, а другой, какъ кажется, своимъ личнымъ примѣромъ развилъ въ душѣ его склонность къ занятіямъ агиографическимъ. Не даромъ же много позднѣе о Іоаннѣ не разъ заговаривалъ о своихъ наставникахъ и архим. Цюпсіа, какъ „мужахъ добродѣтельныхъ и рачителяхъ божественныхъ писаній“, въ содѣйствіе съ которыми онъ занимался своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ и умственнымъ образованіемъ.

Учасъ въ лаврской бібліотекѣ „книжной мудрости“, которую на закатѣ дней своихъ ставилъ выше „свѣтлости солнечной“, о Іоаннѣ „много вопрошалъ“, по его собственному признанію, „у высшихъ себе разумомъ и ученіемъ“. И легко представить генеръ, подлѣ чего вращались его разспросы. Одна духовная мудрость не могла, понятно, занять всего времени у собесѣдниковъ. И повоначальнаго шюка и убѣленихъ сѣдинами старцевъ тянуло въ часы досуга и длинныхъ бесѣдъ къ милой сердцу родинѣ. Балахонцы говорили о Балахиѣ, о находившемся по сосѣдству Городицѣ, о костромскихъ угодникахъ, монастыряхъ и достоамятностяхъ и, какъ люди книжные, уходили въ прошлое для ихъ священныхъ по воспоминаніямъ мѣсть. А въ этомъ прошломъ, какъ отчасти и въ настоящемъ, стояла предъ ихъ мысленнымъ взоромъ одинаково дорогая и общая для обонхъ святыня, чудотворная икона Богоматери, почти за четыре вѣка предъ тѣмъ, съ разореніемъ Городца татарами, не восхотѣвшая оставаться на мѣсть пустѣ и принявшая „во одержание градъ Кострому и съ предѣлы его“. „Много и добре вѣдавшие“ старцы разсказывали послушнику о странномъ

Батыевомъ погромѣ и о злѣключеніяхъ, пережитыхъ тогда отъ поганыхъ ихъ родными мѣстами. Бывшій Балахонскій протопопъ повѣдалъ, конечно, своему юному совопроснику и о необычайныхъ обстоятельствахъ, коими сопровождалось нѣкогда на Костромѣ явленіе иконы Богоматери: онъ же, можно догадываться, обладалъ, наряду съ другими, и письменнымъ, въ набѣги польско-литовскихъ людей затерявшимся, сказаніемъ объ этомъ выдающемся въ мѣстномъ краѣ событіи. Обстоятельства того времени, а больше всего начавшееся съ избраніемъ на царство Романова усиленно-благоговѣйное чествованіе Феодоровской иконы Богоматери на Москвѣ, въ особенности на верху у самого государя, давали лишній поводъ нашимъ давнимъ землякамъ дѣлиться впечатлѣніями отъ воскресавшихъ непронзвольно въ ихъ памяти происшествій родной стороны. Эти бесѣды съ старцами, по прошествіи двадцати лѣтъ вспомнишь о. Іоанну и дали ему отчасти матеріалъ для разсматриваемой теперь нами повѣсти.

Сравнивая послѣднюю съ произведеніями, вылившимися безспорно изъ-подъ пера о. Іоанна Милюткина, съ его предисловіями, послѣсловіями и разнаго рода замѣтками, въ значительномъ числѣ разсѣянными по его обширному житіиному собранію, легко подмѣтить поразительное порой сходство между ними въ литературныхъ приѣмахъ, въ складѣ не вездѣ по строенію правильной, но всегда опредѣленной рѣчи, въ самомъ слововыраженіи. Задавшись мыслию собрать въ мшцахъ своихъ чтеніе душеполезное, Милютинъ, подобно славнымъ предшественникамъ своимъ, архіеп. Новгородскому Макарію и іером. Герману Тулупову, всячески старался не вносить въ нихъ писаній отреченныхъ, статей ложныхъ или еретическихъ, исправлять въ житіяхъ неисправное, опускать въ сказаніяхъ явно погрѣшительное, согласовать въ повѣстяхъ противорѣчивое. Передавая ходившія о той или другой статьѣ сомнѣнія, читать ее или нѣтъ, о. Іоаннъ нерѣдко пишетъ: „Вѣдомо буди и о семъ, яко во многихъ слышится распря: овнъ глаголють сице, овнъ же инако, и о семъ да престанеть распря и вѣдома будетъ истина, и нынѣ азъ, пошъ Иваннице, обрѣтохъ въ сихъ книгахъ истину“..., и далѣе обычно слѣдуетъ результатъ его изысканій, примиреніе разногласій. Такъ и авторъ повѣсти о Феодоровской иконѣ Богоматери, упомянувъ въ началѣ, что ему многократно при-

ходилое разспрашивать о ней, бесѣдовать съ людьми хорошо и много знающими, замѣчаетъ также: „...и овѣн глаголаху тако, инии инако, но мню, яко сему быти истиннѣ, о еже хощу повѣсти сея коснутися и написати“. Однородность писательской манеры, текстуальные совпаденія подобно только что приведенному, не представляются намъ случайными и въ связи со всѣмъ, доселѣ сказаннымъ объ о. Иоаннѣ Милютинѣ, скорѣе подтверждаютъ нашу догадку о принадлежности ему трактующей повѣсти.

Кто бы впрочемъ ии былъ признанъ въ наукѣ составителемъ послѣдней, справедливость требуетъ сказать о немъ, что онъ былъ писатель разборчивый и во всякомъ разѣ болѣе осторожный въ передачѣ историческихъ фактовъ, чѣмъ его продолжатели, относительно позднѣйшіе „сказатели“. Отстоя на нѣсколько столѣтій отъ повѣствуемыхъ событій, онъ ясно латируетъ Батыево нашествіе, но умагчиваетъ о времени мѣстныхъ происшествій, напримѣръ, явленія чудотворной иконы Феодоровской, сооруженія для нея каменнаго храма великимъ княземъ Василиемъ Гващней; не называетъ послѣдняго *Георгіевичемъ* вмѣсто *Ярославича* и внукомъ благовѣрнаго князя Александра Невского, какъ то дѣлаетъ ошибочно его интерполяторъ—авторъ находящагося въ Спасозапруженскомъ синодикѣ „сказанія“. Замѣчаемая въ повѣсти недостаточно-ясныя мѣста, какъ то: о построеніи деревянныхъ церквей и понятная въ устахъ писателя XVII вѣка неточность въ наименованіи князя Василія Ярославича не только Костромскимъ, но и *Галицкимъ*, искушаются у него нѣкоторыми на мой взглядъ истинными и совершенно определенными указаніями по части древнѣйшей топографіи и церковной археологіи города. Обращу вани просвѣщенное вниманіе на одно изъ нихъ.

Сказавъ, что „чудотворная икона Богородицына пришедена отъ Города града на Кострому Феодоромъ Стратилатомъ“, авторъ повѣсти поясняетъ: „дошеже въ тѣ времена бысть на Костромѣ соборная церковь во имя великом. Феодора Стратилата, *что на площадкѣ*“. Въ приведенныхъ словахъ въ высшей степени примѣчательно и констатированіе участія въ чудесномъ явленіи иконы могущественнаго покровителя города и точное указаніе мѣстоположенія посвященнаго ему и, можетъ быть, древнѣйшаго въ городѣ храма. Въ нихъ

идеть рѣчь не о площадкѣ, на которой стоитъ всёмъ извѣстная церковь Воскресенія, и не о площади предъ теперешними соборами или стараго кремля костромскаго; авторъ повѣсти разумѣетъ площадь, гдѣ въ теченіе почти шести столѣтій находился храмъ Θεодора Стратилата, который хорошо знаютъ и единственно только его одного изъ всёхъ городскихъ церквей въ XIII—XIV вѣкахъ называютъ лѣтоисп. Построенный, полагаютъ, въ честь своего ангела великимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ по близости нынѣшней Богоотцевской церкви, гдѣ долгое время городская жизнь была ключемъ, и ради скученнаго населенія ставилось всего больше храмовъ Божіихъ, онъ служилъ на пространствѣ столѣтій религіознымъ средоточіемъ города, былъ въ немъ главною церквою. Какъ таковой, св. Θεодоръ былъ предметомъ самыхъ теплыхъ заботъ жителей и въ числѣ ихъ самихъ князей, мѣстомъ ихъ молитвъ и исключительныхъ церковно-гражданскихъ событій. Не безъ основанія онъ, а не другой-какой храмъ удостоился чести стать первымъ селеніемъ явленной на Запруднѣ иконы Богоматери. Вел. князь Василій Ярославичъ послѣ того, какъ деревянная церковь Θεодора Стратилата дважды не въ долгихъ сгорѣла, задумалъ „воздвигнуть церковь каменную соборную“ на новомъ мѣстѣ, „внутри града“—въ кремль, „во имя пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія“ съ придѣломъ, въ діаконикѣ ея, въ честь великомученика Θεодора Стратилата и перенести въ нее чудотворную икону Богоматери. Въ его средствахъ и силѣ было осуществить на дѣлѣ задуманное предпріятіе, устроить новый храмъ, оградить его рвами и земляною осыпью, создать изъ Костромскаго кремля образцовую по тому времени крѣпость, за стѣнами которой въ XIV—XV столл. укрывались отъ враговъ и среди собственныхъ усобицъ сами собиратели Руси—московскіе князья, а въ XVI—XVII вв. лучшіе люди, знатные и богатые, имѣли на случай лихолѣтя свои *осадные* дома. Но не во власти Костромскаго, хотя бы и великаго князя, было перемѣстить разомъ центръ церковно-общественной жизни цѣлаго и немаленькаго города, заставить жителей и въ числѣ ихъ соборянъ внезапно и безпричинно покинуть предками населенныя мѣста, забыть вѣковую святыню. Понадобилось пройти не одному столѣтію, чтобы часть жителей постепенно раз-

раставшагося древнѣйшаго поселенія естественно отлила отъ устья Костромы въ направленіи княземъ съ боярами заложенаго города; чтобы связанныя съ храмомъ св. Феодора—этимъ старымъ палладіумомъ города священныя воспоминанія сами собой перешли въ новый каменный „пречистыя Богородицы чудотворныя иконы Феодоровскія соборъ“. Будучи по началу филиальнымъ отдѣленіемъ возобновленной послѣ пожара церкви св. Феодора, послѣдній долгое время былъ по существу своего рода *выставочною* церковью, не имѣлъ первостепеннаго церковно-богослужебнаго значенія въ городѣ. Даже во второй половинѣ XVI в. и въ самомъ началѣ XVII-го царскія жалованныя и разнаго рода святительскія грамоты по прежнему шлются и посылаются въ Кострому на имя протопопа „Соборныя церкви Феодора Стратилата“. Словъ нѣтъ, съ конца XVI вѣка изрѣдка онъ уже называется въ нихъ и Пречистенскимъ или Богородицкимъ, но нужно было помимо благоговѣнія жителей предъ иконой Царицы Небесной, какое-либо стороннее и сильное воздѣйствіе, чтобы поставить Успенскій соборъ рядомъ съ Феодоровскимъ и даже выше его. И такая могущественная поддержка была несомнѣнно оказана ему Москвой, точнѣе царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ, который „милости ради пречистыя Богородицы, чудотворной иконы Феодоровскія“, явленной его дому, началъ оказывать ему явное предпочтеніе и въ своихъ грамотахъ на Кострому писалъ уже протопопу „соборныя церкви пречистыя Богородицы и Феодора Стратилата“. Царь Алексѣй Михайловичъ, отправляясь, разумѣется, отъ московскихъ порядковъ, именовалъ Костромской Успенскій соборъ „большимъ“ соборомъ. Онъ имѣлъ, конечно, при этомъ въ виду и его высокое, постепенно-выросшее религіозно-общественное значеніе и его главенствующую въ то время роль въ ряду другихъ соборовъ города. Не нужно забывать, что костромскія церкви съ довольно многочисленнымъ духовенствомъ при нихъ, какъ и церкви всѣхъ остальныхъ болѣе или менѣе большихъ древне-русскихъ городовъ, въ богослужебно-административномъ отношеніи дѣлились на такъ называемые теперь въ Москвѣ сорочки, имѣвшіе каждый свой соборный храмъ. Документально мнѣ извѣстны въ Костромѣ соборы: Троицкій, Вознесенскій, а надъ ними сначала Феодоровскій, а потомъ заступившій

его Успенскіи. Древняя соборная церковь св. Феодора Стратилата на Мшацкой улицѣ за Сулою, отъ времени обветшавшая и исподволь утратившая свое бывшее значеніе, не покинутая только своимъ духовенствомъ, которое еще продолжало жить подлѣ нея и отсюда ходить служить въ Кремль, въ 30-хъ годахъ XVII стол. стояла уже безъ пѣнія, даже безъ иконъ и утвари, которыя по необходимости должна была уступить собору Успенскому, а потомъ, чрезъ какіе-нибудь три десятка лѣтъ, ѿ совсѣмъ почти исчезла изъ народной памяти и со стогаъ города. И на долю церковнаго археолога выпала, не скажу, чтобы благодарная задача, при руководствѣ памятниковъ, въ родѣ повѣсти, намъ кратко разсмотрѣнной, разыскивать теперь мѣсто, на которомъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ стояла соборная церковь, гадать даже о той самой площади, на которой концентрировалась нѣкогда жизнь нашего богохранимаго города ¹⁾.

† А. П. Голубцовъ.

¹⁾ О возраженіяхъ, вызванныхъ рефератомъ, см. „Извѣстія IV Областного историко-археологическаго съѣзда въ г. Костромѣ“ № 7, стрр. 8—9 (веч. засѣданіе 26 іюня 1909 г.)—Сл. также нѣкоторыя замѣчанія по вопросамъ разбираемымъ въ рефератѣ, высказанныя покойнымъ профессоромъ незадолго передъ смертью въ отзывѣ о кандидатской работѣ свящ. о. Дим. Лебедева, — „Журн. Совѣта Моск. дух. академіи за 1911 г.“ засѣданіе 7 іюня.